

Выжившая

Нюрочка – 90 лет

Иван – внук Нюрочки, 30 лет

Журналист – 22 года

Тени, которые видит только Нюрочка

1.

Большая комната похожа на музейные запасники: разнообразная, не сочетающаяся антикварная мебель, картины закрывают стены от пола до потолка, огромное количество старинных книг, бронзовых и фарфоровых статуэток. В углу комнаты в глубоком кресле с книгой на коленях сидит Нюрочка, завернутая в цветастый плед. Рядом на тумбе пепельница с дымящимся окурком. Нюрочка дремлет.

Стук в дверь, Нюрочка открывает глаза, раскрывает книгу.

Нюрочка. Да да.

Входят Иван и Журналист.

Иван. Нюрочка, смотри кого я тебе привёл. Этот человек хочет взять у тебя интервью для городской газеты. Помнишь, мы с тобой обсуждали?

Нюрочка (*поправляя прическу*). Как же, как же. Помню, Ваня. Добро пожаловать в мою скромную обитель. Присаживайтесь, юноша.

Журналист озирается по сторонам в поисках подходящего места.

Иван снимает с одного из стульев многочисленные коробки.

Журналист. Спасибо большое. Анна Николаевна, я очень, очень рад встретиться с Вами. Как мало вас осталось, тех, кто помнит эти нелегкие, мучительные месяцы....

Нюрочка. А Вы отсыдьте, пожалуйста, будьте так любезны. Я в даль лучше вижу.

Журналист отодвигает стул подальше. Достает диктофон.

Нюрочка. Вот-вот, так лучше. Ой, какой Вы, юноша, славный, хорошенький какой. Была бы я помоложе.

Иван. Бабушка!

Нюрочка. Не называй меня так в присутствии посторонних, Ваня. Сколько мне, по-Вашему, молодой человек, а?

Журналист растерянно смотрит на Ивана.

Иван. Я вас оставлю вдвоем. Нюрочка, я вернусь дать тебе лекарства и проводить гостя через полчаса.

Иван подходит к бабушке, та вынимает из складок пледа купюру и сует Ивану в руку, тот целует Нюрочку в лоб и выходит.

Нюрочка. Вот, только так и можно от нынешней молодежи получить заботу и внимание. *(Смеется.)* Но Вы, я уверена, не такой? Вы свою бабушку любите?

Журналист. К сожалению, обе мои бабушки уже давно умерли. Я поздний ребенок.

Нюрочка. Ой, да у меня тоже все поздние. И сына поздно родила, и внука он мне поздно родил. Но я держусь. Надо держаться, характер, знаете ли, такой, что привыкла держаться. Ради них, кровососов.

Журналист. Вот я об этом и хотел поговорить.

Нюрочка. О чем? О внуке моем?

Журналист. Да нет же! О характере. *(Включает диктофон.)* Ведь Ваш характер закалился в годы Великой Войны. Вы выжили в тяжелейших условиях, все тяготы и невзгоды преодолели в окруженном фашистами городе.

Нюрочка. Национал-социалистами.

Журналист *(выключает диктофон).* Что, простите?

Нюрочка. Не фашистами, а национал-социалистами. Это мне внук объяснил, он у нас историк по образованию.

Журналист. Хорошо *(включает диктофон),* Вы выжили в окруженном немецкими захватчиками городе...

Нюрочка. Нельзя говорить «немецкими».

Журналист. Почему?

Нюрочка. Неполиткорректно.

Журналист. Это тоже внук объяснил?

Нюрочка. Нет, это по телевизору говорили. *(Берет с тумбочки папиросу и стички.)* Позволите? Хотя женщина не должна спрашивать у мужчины разрешение закурить. *(Смеется, закуривает.)* Я правила этикета очень уважаю. Нужные они правила. С ними люди людьми остаются. А Вы как относитесь к этикету? В Ваше время-то уже никто ничего не спрашивает.

Журналист. Пожалуйста, конечно. *(Включает диктофон.)* Я совершенно не удивлен тому, что эта прекрасная женщина так хорошо воспитана. Ведь только высокие моральные качества позволили её поколению оставаться людьми в этих нечеловеческих условиях.

Нюрочка. Вы ещё не видели меня молодой! До чего же я была хорошенькая. Волосы светлые, глаза голубые, ножки, ах, что за ножки у меня были. Сейчас уже не встаю почти. Показать бы Вам фотографии. *(Осматривает комнату, закусывает губу.)* Ваня зря ушел, мне самой не найти альбом. У меня альбом такой прекрасный. Там я молодая, стройная, во всем модном.

Журналист. Вы и сейчас прекрасно выглядите.

Нюрочка. Бросьте, я для Вас ископаемое уже. Вот и интервью брать пришли, знаете ведь, что к следующей годовщине уже не придется.

Журналист. Ладно, давайте поговорим о Блокаде.

Нюрочка. Давайте. Только Вы там потом обработаете, чтобы литературно.

Журналист. Ну что Вы, это будет Ваша живая речь, из первых уст, так сказать.

Нюрочка. А я, похоже, у Вас первая, молодой человек. *(Смеется.)*

Журналист. В каком смысле?

Нюрочка. Вижу ведь, что зеленый совсем. Первое интервью, наверное?

Журналист *(смущенно).* Да, как это Вы угадали. Но это очень почетно для меня, такое задание сразу. Я недавно устроился в газету, а тут сразу Вы.

Нюрочка. Что это они меня в Вашей газете, не уважают совсем? Прислать неопытного юнца? Ладно, ладно, не обижайтесь. Я с радостью пообщаюсь и с Вами.

Журналист. Спасибо. Так вот. *(Включает диктофон.)* Скажите, пожалуйста, Анна Николаевна, Вы коренная петербурженка...

Нюрочка. Да-да.

В противоположном углу появляется Тень мужчины.

Тень: Что ты врешь опять, Анна.

Нюрочка. А ты чего приперся?

Тень. Не могу тебя бросить.

Нюрочка. Полвека уже как помер, ни слуху, ни духу, а теперь ходить повадился.

Тень. Что ж ты ему не расскажешь, что приехала из деревни накануне войны?

Нюрочка. Я не виновата, что деревенская. Не все рождаются от князей, Володя.

Тень. Стыдишься?

Нюрочка. Мне девяносто уже стукнуло, могу и запямятовать.

Тень. Всегда стыдилась.

Нюрочка. Не тебе меня судить, Володя.

Журналист. Какого было коренной петербурженке видеть, как снаряды разрушают любимый город?

Нюрочка. Тяжело. Не передать словами, как тяжело. Коней с моста сняли этих...

Журналист. С Аничкова?

Нюрочка. Да, с него. Дома разрушенные, груды обломков.

Тень. Да ты о конях этих и не знала тогда ничего.

Нюрочка. Люди, люди везде голодные, холодные. Ничего не было. Нас обрекли на голодную смерть.

Тень. То-то у тебя щёчки розовые были и ляжки мясистые, когда мы познакомились.

Нюрочка. Трудно приходилось.

Журналист. А люди помогали друг другу справляться с голодом? Делились едой? Что Вы помните?

Нюрочка. Люди были разные. Кто-то помогал. Я, например, кормила соседских ребятишек, даже конфеты, пока они еще были, им отдавала.

Тень. Совести у тебя нет, Анна.

Нюрочка. А ты заткнись.

Журналист. Что, простите?

Нюрочка. Ничего, ничего. Вспоминать трудно.

Журналист. Я понимаю. Простите, что приходится беречь страшные воспоминания. Вы настоящий герой.

Нюрочка. Мы все герои.

Журналист. Но Вы особенно!

Нюрочка. Да, последнее я отдавала, не могла смотреть, как дети умирают. Я же работала официанткой в столовой открытого типа. Злые языки всегда найдут, о чем судачить. Вот и про меня разное говорили. Но Вы не верьте! Не верьте!

Тень смеется.

Нюрочка. А ты бы помолчал, Володя.

Тень. Я и молчу.

Нюрочка. Это ты теперь такой весь беленький, чистенький. А когда я тебя с того света вытаскивала, ты не спрашивал, откуда хлеб, откуда картошка, откуда шоколад, черт бы тебя побрал! Только ручки всё целовал. «Нюрочка! Спасительница! Век тебя на руках носить буду! До смерти верен буду!» Тьфу, интеллигентшишка вшивый.

Тень. Каюсь, от голода еще и не то наговоришь.

Журналист. Ваш внук сказал, что Вы познакомились со своим мужем в это время.

Нюрочка. Как же, как же, да. Я ухаживала за одним соседом по коммунальной квартире.

Тень *(кланяется в пол)*. Век благодарен. *(Смеется.)*

Нюрочка. Он был художник. Человек талантливый, весь в своих картинах. Ну, Вы же понимаете, эти художники... Они же люди творческие, ни к чему не приспособленные. Он карточки раз потерял. Да как потерял, стукнули его по тыковке, да отобрали. Слабый был. Не знал, где что достать, что делать. Кожа да кости весь. Я его выхаживала долго... Он только лежать и мог, голос тихий-тихий, стихи мне всё читал. Есенина, Пастернака, Ахматову. А стихами разве наешься? *(Обращаясь к Тени.)* Говно я из-под тебя выносила, стыдно сказать! Ничем не брезговала. А ты еще меня учить приходишь. Да то, что я деревенская тебе жизнь спасло!

Журналист. Он и стал Вашим мужем?

Тень. Упаси бог!

Нюрочка. Нет. Как-то к нему пришел знакомый навестить, одноклассники они были. Военный инженер, в Академии кафедру возглавлял, старого рода тоже.

Тень. Тоже. *(Усмехается.)*

Нюрочка. Петр Михайлович сам был слабенький, но держался твердо. Находил в себе силы даже вот так навещать, помогать, если случится. Вот мы с ним и познакомились. Он жену потерял почти в самом начале, от гриппа померла. Понравилась я ему, увидел, какая я бескорыстная. Не верил, что люди говорят.

Журналист. А что люди говорили?

Нюрочка. Ой, да что уж теперь. Их всех и нет давно. О мертвых либо хорошо, либо ничего, так сказать.

Тень. Твое бескорыстие мне стоило вот этих самых рам *(показывает на висящие на стенах картины в старинных позолоченных рамах)*.

Нюрочка. Не велика цена, за жизнь-то.

Журналист. Какая удивительная история любви! Среди хаоса, разрывающихся снарядов, расцвело истинное чувство!

Тень. Да как же! Трехкомнатная квартира Пети расцвела перед ее глазами!

Нюрочка. Именно так. Мы очень друг друга полюбили. И уже через месяц расписались.

Журналист. Поженились?

Нюрочка. Ну, да. Тогда тоже регистрировали, а Вы что думаете? Конечно, без всяких там праздников. Какие же праздники в такое время. Я тогда к нему переехала, отдала свою комнату официантке, с которой работала, Кате. Ей так ближе было до столовой.

Тень. За что Катя тебе мзду платила.

Журналист. Вы удивительный человек, Анна Николаевна!

Тень. Удивительный человек.

Нюрочка (*к Тени*): Уйдешь ты, нет? Сволочь неблагодарная. А ну, прочь!

Тень кланяется и исчезает.

Нюрочка. Не хотите прерваться? Мне бы чаю. (*Кокетливо.*) Сходите, будьте так добры, на кухню за чайником, м?

Журналист. Без проблем.

Журналист встает и выходит из комнаты.

Нюрочка (*ему вслед*). Его подогреть надо! Остыл, наверное!

2.

В углу слышится тихий плач новорожденного ребенка.

Нюрочка. Ну, кто там ещё?

Появляется Тень мужчины с запеленутым ребенком на руках. Он качает его, тихонько напевая «Ай люли-люли-люли...».

Нюрочка. И ты здесь, Петр Михайлович? Никак соскучился?

Тень. По тебе что ли?

Нюрочка. А то по кому же. Что это ты мне принес?

Тень. Так дочку твою. Кушать просит.

Нюрочка. Без ножа режешь, изверг?

Тень. Хорошенькая какая, дочка наша. Посмотришь?

Нюрочка. Не надо мне ее. Тогда не надо было и сейчас не за чем. Убери.

Тень. Почему ты ее бросила тогда?

Нюрочка. Это я бросила? Это я почему? Ты-то сам где был? Да она плакала все время! А где молоко? У меня груди пустые были. Чем прикажешь кормить?

Тень. Аннушка, я же всё приносил. Все приносил, и мясо даже. Не наговаривай.

Нюрочка. Чего мне это мясо твое стоило. Поперек глотки. Ты же всё пекся о других, раздавал больше, чем до меня доходило!

Тень. Так я же сестре давал.

Нюрочка. Вот-вот. Вот у нее, сестры твоей, дети и выжили.

Тень. Не наговаривай, Аннушка. Тебе дочка мешала просто. Жить мешала.

Нюрочка. А хоть бы и так. Ты мне еще спасибо сказать должен, что чужой ребенок под твоей фамилией не вырос.

Тень. Как чужой?

Нюрочка. А ты думаешь, откуда у нас дрова все время были? Не заканчивались? Ни одного твоего шкапа старого, ни одной книжки этой раритетной не сожгла!

Тень (*оглядывает шкафы, полки с книгами*). Это да, за это спасибо. Но при чем здесь ребенок?

Нюрочка. Ты, немощь поганая, думаешь, от таких вот как ты дети рождаются? Другое дело от нашего управдома. Вот он силач был, знал, что да как, ел хорошо, силенок хватало.

Тень. Так ты что... с ним...?

Нюрочка. С ним, с ним, Петр Михайлович, а то с кем. Это ты как дураком был, так и остался. А я жить хотела, а для этого пришлось постараться.

Тень. Ноги... перед ним... раздвинула... перед ублюдком...

Нюрочка (*сдерживает с себя плед, обнажая худые старческие ноги*). Да! Вот эти самые ноги! Они мне отлично служили. Когда надо бегала, когда надо раздвигала.

Входит Журналист с подносом, на подносе две чашки и сахарница.

Нюрочка закрывает лицо руками.

Журналист. Анна Николаевна, что с Вами? Вам нехорошо?

Нюрочка. Разбередили Вы меня, ой, разбередили. Дочку вспомнила.

Ребенок снова начинает плакать, Тень его баюкает.

Журналист. Простите меня. Давайте, я Вам одеяльце поправлю. *(Ставит поднос на стул, подходит к Нюрочке, укрывает ее пледом.)* А что с дочкой?

Нюрочка. Погибла, погибла малютка.

Журналист. Мне очень жаль, простите, простите.

Нюрочка. Да что уж теперь. Из-за этого мы с Петром Михайловичем очень страдали. Знаете, смерть ребенка... Ничего страшнее быть не может. Казалось бы, самая страшная зима позади, пережили, выстояли, вымучились, а тут такое горе. Тяжело, ой, что-то с сердцем. *(Хватается за грудь.)* Уф, отпустило, кажется.

Журналист ставит поднос на тумбу, подает Нюрочке чашку с чаем, берет вторую и садится на свой стул.

Нюрочка. Спасибо, милый, спасибо.

Журналист. Я понимаю, что Вам очень больно это вспоминать, но не могли бы Вы рассказать про смерть дочери. Это очень важный эпизод.

Нюрочка. Она родилась недоношенная. Удивительно, что вообще родилась в таких условиях. Еды-то не было...

Тень. Конина... Я тебе даже мясо носил...

Нюрочка. Как выносила, сама удивляюсь. Семь месяцев срок. Лето, слава богу, было.

Тень. Конфеты... Как я доставал эти конфеты... Все соседи умерли от голода... А я ей конфеты...

Нюрочка. Родила. А она малюююсенькая, синяя, пищит. Кушать хочет, а у меня молока нет. И нигде нет. Померла, отнесли, схоронили. *(Утирает отработанным движением несуществующую слезу.)*

Тень. Не стыдно тебе, Аннушка?

Нюрочка. Петр Михайлович погиб во время обстрела. Осталась мне от него только квартира. Хотя кому она эта квартира в то время была нужна.

Журналист *(спохватившись, включает диктофон).* Да, конечно, ведь никакие квартиры не стоят таких мучений.

Тень. Так ты из-за квартиры? Ты тогда, когда все умирали, из-за квартиры?

Журналист. Господи, как это все страшно.

Нюрочка. Погиб, земля ему пухом. Но я не отчаялась. Я сильная. Всегда была сильная. *(Смотрит на Тень.)* У нас управдом был, знатный мужик, так я с ним ходила по квартирам, помогать больным. И, знаете, опять желание жить почувствовала, радость такую, легкость. Когда помогаешь кому-то, всегда самой легче становится.

Журналист. Вы, наверное, многих спасли тогда, Вас благодарить должно столько людей, что живы остались.

Нюрочка. Благодарили, благодарили. Дарили иногда что-то, у кого что было. Сережки, например. Шубку, чулки. Что не выменяли. Я все это сберегла. А как отказать умирающему? У него, может быть, одна только радость – память по себе хорошую оставить, дело доброе сделать, отблагодарить человека. Невежливо не принять было.

Тень (ребенку). Маленькая, маленькая. Ну, не плачь, не плачь... Ай люли-люли... *(Исчезает.)*

Нюрочка. Уф, ушел, наконец.

Журналист. Кто ушел, Анна Николаевна?

Нюрочка. Что? А, это Вы внимание не обращайтесь. Я старая, задумаюсь, бормочу что-то себе иногда. Не обращайтесь внимания.

Журналист. Когда же Вы с отцом сына познакомились? После войны?

Нюрочка. Нет, всё тогда же, в Блокаду. Вы понимаете, молодой человек, время такое было, очень жить хотелось успеть. Не знали же, когда война кончится. Верили, конечно, что скоро, скоро, но наверняка-то никто не знал. Влюбилась без памяти в лейтенантика. Фронтовик, ранен был.

Журналист. Ну, ну...

Нюрочка. Тут уж не до росписи было. Роман, прямо книжный такой роман. Он в Ленинграде был недолго, мы на субботнике познакомились. Страшно сказать, над трупом. Ведь летом-то тоже трупы были, Вы что думаете. Я его увидела, труп в смысле, кричу: «Сюда! Сюда!», тут Алексей и подбежал. И как-то мы так глазами встретились. Пока он в городе был, каждый день с ним виделись после работ. Придет ко мне, в эту огромную квартиру, сядем с ним в комнате, за руки возьмемся и молчим, насмотреться друг на друга не можем.

В углу появляется Тень мужчины. На нем белая майка и солдатские штаны.

Тень. Не только мы с тобой, Нюрочка, смотрели друг на друга. Или не помнишь?

Нюрочка (к Тени). И ты, родненький, и ты здесь. *(К Журналисту.)* Я его, знаете, подкармливала, обстирывала, штопала так, по мелочи.

Журналист. Это и был Ваш муж?

Нюрочка (к Тени). Помнишь, а, Алёшенька? Хорошо же нам с тобой было. Тихо вместе, тепло. Я для тебя всё что угодно готова была сделать, всю душу тебе отдала.

Тень. Ну, что ты, что ты. Ты одинокая была, неприкаянная. Одна баба в большом доме. Я ж тебя приголубил, успокоил.

Нюрочка. Ты душу истрепал и выкинул, подлюка. А я ж тебя любила так, ой. Никого в жизни не любила, тебя одного только.

Тень подходит к креслу, на котором сидит Нюрочка, встает сзади, гладит женщину по голове. Потом берет с тумбочки сигарету, закуривает, привалившись спиной к стене.

Журналист. Анна Николаевна? Анна Николаевна? С Вами всё хорошо?

Нюрочка (*оглядывается на Тень, поворачивается к Журналисту*). Да, молодой человек, теперь всё хорошо. Это не был Сережин отец. Это была моя большая любовь. (*Пауза.*) Вы об этом не пишете только, ладно? Это уж очень личное. (*Пауза.*) Так жизнь сложилась. Вы меня не осуждайте.

Журналист. Да нет, что Вы! Ни в коем случае!

Нюрочка. Алексей вернулся на фронт, осенью. Закончилась наша любовь.

Журналист. Погиб тоже?

Нюрочка. Не знаю я. Только вот признался мне напоследок, что я у него что-то навроде фронтовой жены. Знаете, такие были? Когда настоящая жена дома, а на фронте временная. Вот я, выходит, ненастоящая жена ему была. (*Пауза.*) Я тогда жить не хотела. Понимаете? Вот в голод-холод хотела. Когда на улице через трупы перешагивать приходилось, хотела. Когда ребенок умер, хотела. А вот когда Алёша ушел, не хотела больше жить. (*Оглядывается на Тень.*) Слышишь? Ты меня чуть было не погубил, Алёшенька.

Тень усмехается, тушит папиросу, исчезает.

Журналист. Но Вы и это преодолели.

Нюрочка. Да, и это, и много всего я преодолела. (*Пауза.*) Послушайте, молодой человек, мне Вам нечего рассказывать. Жила, как все: не жила – выживала. Выжила. В сорок третьем встретила мужа будущего. Старше меня был, снабженец. Жили с ним душа в душу сорок лет. Серёжа у меня послевоенный, поздний. Родился здоровым, вырастила, выучила его. Потом муж умер. Через десять лет Серёжу похоронила.

Журналист. Да что Вы! Какая удивительно трагическая история!

Нюрочка. Хватит с меня, устала я. Всё Вам рассказала, ничего не утаила. Сейчас Ваня придет, проводит Вас.

Журналист. Но как же так? Я же еще только начал вопросы задавать. У Вас такая жизнь, столько героизма. Я уже представляю статью, на две, нет, три колонки! Ну, пожалуйста.

Нюрочка пристально смотрит в угол, молчит. Журналист следит за ее взглядом и тоже поворачивается, пытаясь понять, на что же смотрит женщина.

Нюрочка. Не идет никто. Ну и черт с ними. *(Закуривает.)*

3.

Стук в дверь. В комнату входит Иван.

Нюрочка. А, вернулся.

Иван. Закончили уже, нет?

Нюрочка. Ванечка, молодой человек все никак от меня не отстанет. Я ему говорю, что устала, а он хочет еще вопросы задавать.

Журналист. Да нет, извините, я сейчас...

Иван. Я провожу Вас.

Журналист встает, они с Иваном подходят к двери.

Журналист. Ой, фотография! Про фотографию забыл! Читатели захотят посмотреть на героиню статьи.

Нюрочка. Вань, дай ему из альбома. Ну, ту, которая с сорокового года, по грудь.

Журналист. А давайте я Вас сфотографирую просто?

Нюрочка. Нечего меня фотографировать. Не хочу, чтобы на меня теперь смотрели. Там я хорошенькая, пусть любуются Ваши читатели, не жалко.

Иван подходит к комоду, достает альбом, быстро находит фотографию и отдает Журналисту.

Журналист *(заметно погрузнев).* Спасибо. Спасибо Вам за всё. *(Как бы прибодряется, встает по струнке.)* Спасибо за победу и наше чистое небо над головой!

Иван не может удержать смешок.

Журналист *(Снова погрузнев).* Ой, да...

Иван и журналист выходят из комнаты.

4.

Нюрочка курит, немного покачиваясь, будто в такт неслышимой музыке. Иван возвращается в комнату. Начинает прибираться, составляет на поднос чашки, собирается выйти.

Нюрочка. Вань, а Вань.

Иван. Что, Нюрочка.

Нюрочка. Да можно и бабушка уже.

Иван. Что, бабушка?

Нюрочка. Вань, а ты отца своего помнишь?

Иван. Смутно. А что такое?

Нюрочка. Он тебя не навещает?

Иван. Ба, ты рехнулась? Умер твой сын, давно. Не помнишь?

Нюрочка. Не считай меня полоумной. Конечно, помню. Так что, не навещает?

Иван. Нет.

Нюрочка. Вот и меня не навещает. А другие вот все ходят, ходят, душу вынимают. А Сереженька нет. Обиделся что ли...

Иван. Таблетки сейчас примем.

Нюрочка. Хотя на что обиделся? Вырастила, выучила. Жил бы да жил, а он, дурак, спился. Что, спрашивается, ему надо было...

Иван вздыхает, выходит из комнаты.

Нюрочка. Вань! Вань! Слышишь меня? Ты же на меня не обижаешься? Правда? Я как могла жила, всё сделала, чтобы жить. Меня никто осуждать права не имеет. Я выстояла. Это дураки умирали, а я вертелась. Я вытерпела столько. *(Пауза.)* Ты меня только не бросай! Не бросай, Вань! Мне к ним еще рано, я жить хочу. Вань, слышишь меня? Жить!

Конец

2015 год